

Явление Чэнь Е миру было не очень спокойным. Когда его мать забеременела, ее отвели в храм, чтобы она дождалась положенного срока. Но в тот день, когда он родился, на небе не было никаких странных знамений. Когда она родила его, он был очень хрупким ребенком, таким слабым, что даже не плакал. Действующего архимага Сицзэ в это время еще не было. Несколько мелочных магов продолжали ворчать, желая изгнать его мать и его самого из святилища. К счастью, Шанцзюнь Сянли Инь случайно проходил мимо, направляясь к святилищу, чтобы укрыться от летней жары. По доброте душевной он велел оставить их с матерью на прежнем месте.

Когда он увидел, что его дыхание становится все слабее, Сянли Инь быстро перерезал себе запястье и спас ему жизнь, напоив чашей своей крови. Его первый крик раздался во второй половине дня. Первоначально на востоке сияло яркое солнце. Но внезапно взошла полная луна. На краткий миг солнце и луна засияли одновременно. Сянли Инь засмеялся: «Ну, разве это не маленький архимаг нашего клана? Поскольку его нисхождение с Небес так блестяще и прекрасно, почему бы не назвать его Е?»[1] Он использовал фамилию своей матери в сочетании с именем, дарованным Сянли Инем, и впоследствии его звали Чэнь Е.

Король Сянли Инь решил устроить брак его матери и пообещал ее руку своему шурина. Таким образом, его мать переехала из святилища в дом своего мужа. В то время ему только что исполнился один год, и он был назначен следующим архимагом. Он остался во дворце Цинань, где его воспитывали в почтении.

Он обучался у тогдашнего верховного мага Сицзэ и научился у него обязанностям верховного жреца.

Время быстро пролетело. Ему было уже пять лет, когда под горой случилась суматоха. Господин Сицзэ в тот момент ел лепешки из бобов мунг. Он предупредил его, что хотя дворец Цинань и занимает наблюдательную позицию, если проступок короля не будет достаточно серьезным, чтобы привести к массовым разрушениям, то вмешиваться в это дело не входит в компетенцию храма. Раздор во дворце был их собственной битвой, с которой они должны были разобраться сами. Будь Сицзэ это интересно, он бы присоединился к веселью. Если же нет, стоило закрыть ворота и продолжить наслаждаться едой и напитками.

Они закрыли ворота дворца и несколько дней наслаждались лепешками из бобов мунг, когда, наконец, пришло известие, что на трон взошел новый король. Он даже женился на жене предыдущего короля, госпоже Цинхуа, как на королеве-консорте. Чиновники дворцовых церемоний пришли просить благословения у верховного мага. Сицзэ извинился, сославшись на то, что он слишком объелся лепешками из бобов мунг и не в состоянии путешествовать. Вместо этого он послал нескольких своих слуг проводить Чэнь Е во дворец. Это был первый раз, когда он руководил молитвенной церемонией. Ему было всего пять лет, но он не сделал ни единой ошибки. Сицзэ был очень доволен. С тех пор он все чаще стал лениться. Всякий раз, когда что-то требовалось от верховного мага, он всегда посылал его вместо себя.

Его мать вышла замуж за брата Цинхуа, и таким образом Цинхуа стала его тетей. Вскоре после этого Цинхуа родила Цзюйно. Поскольку он регулярно посещал дворец, она часто оставляла ребенка на его попечении. В тот год, когда ему исполнилось десять лет, он отправился в горы для обучения и в течение двух лет не ступал ногой в императорский дворец. Когда он

вернулся, Цзюйно рассказала ему, что ее мать родила младшую сестренку больше года назад. Ее сестра была очень милой и очаровательной, но мать бросила ее в змеиную яму. К счастью, четыре питона не съели младенца. Они даже ловили крыс и кусали их за шею, чтобы накормить ее кровью.

В императорском дворце была только одна змеиная яма; она была у источника Цзею. Почему он хотел увидеть ребенка, упомянутого Цзюйно, он не мог сказать наверняка. В ту ночь луна отсвечивала морозным серебром. Он вышел на лунный свет и уже собирался войти в сад, когда услышал, как несколько дворцовых слуг перешептываются за бамбуковыми деревьями. Они сказали, что ребенок в змеиной яме часто ползал в этот час, но по какой-то причине сегодня ночью они не слышали ни звука. Может быть, она заболела? Нужно ли сообщить об этом королеве? Королева велела им отчитываться, но, опасаясь ее гнева, никто так и не вызвался добровольцем. Когда королева бросила это дитя в змеиную яму, они решили, что она не хотела, чтобы она выжила. Если ребенок заболел, это было именно то, чего желала королева. Они только навлекут на себя несчастье, если пойдут и доложат ей обо всем. Лучше всего было закрыть на это глаза. Вот так они немного посплетничали, а потом разошлись.

Чэнь Е подошел к змеиной яме. Четыре колонны стояли неподвижно, за ними, ближе к краю поля, лежал на животе дрожащий младенец. Это было полнолуние 15-го числа, последний час Инь. Питоны внутри колонн ушли поглощать лунную эссенцию, и у них не было времени присматривать за ребенком. Он старался не потревожить место обитания питонов и осторожно приподнялся на краю конструкции, едва дотянувшись до ребенка. В лунном свете он увидел грязного ребенка, прижимающего к груди дохлую крысу, а ее руки все были в крови.

Она была его кузиной. Его двоюродная сестра Цзюйно родилась с серебряной ложкой во рту. Однако эта девочка была одета в лохмотья и жила в грязи в змеиной яме, а ее единственным источником пищи была крысиная кровь. Некоторое время младенец, дрожа, лежал на земле. Она разрыдалась, когда, наконец, не смогла больше этого выносить. Как будто кто-то лишил ее голоса, ее крики были тихими и слабыми. Это был прерывистый, беззвучный крик, но он поразил его прямо в сердце.

Он не знал, от чего страдает ребенок. Он также не знал, какое лекарство ей нужно. Но в долине Фаньинь не было ничего более действенного, чем кровь верховного мага. Это он уже знал. Из-за силового поля змеиной ямы он не мог войти глубоко в формацию, чтобы вытащить ребенка. Все, что он мог сделать, - это укунить себя за палец и протянуть руку в силовое поле к губам ребенка. Несколько капель крови потекли вниз, когда ребенок, наконец, отыскал в себе достаточно сил, чтобы схватить его за палец и начать сосать. У нее был хороший аппетит. Кроме того, она не знала, что его кровь была всего лишь лекарством, предназначенным для лечения ее болезни. Вместо этого она рассматривала ее как источник питания и сосала до тех пор, пока не насытилась, как будто это была крысиная кровь, прежде чем отпустить его.

Именно его кровь спасла ей жизнь. Теперь она пульсировала в ее теле. Он никогда не использовал свою собственную кровь, чтобы спасти чью-то жизнь. Это заставило его считать этого ребенка особенным.

Он вытер ее лицо рукавом и смог лучше разглядеть черты ее лица. Цзюйно сказала, что ее сестра была очень милой и очаровательной. Это и вправду было так. Он не мог поверить, что

госпожа Цинхуа может быть такой бессердечной. Сытое дитя спокойно смотрело на него своими ясными большими глазами. Он погладил ее лоб и улыбнулся. Умное дитя подражало ему, и улыбка искривила ее крошечный ротик. Он нежно обнял ее и уговорил уснуть. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами некоторое время, прежде чем, наконец, заснуть. Когда миновал крайний час Инь, к питонам вернулась бдительность.

С тех пор он регулярно находил возможность навещать ребенка, когда бы не приезжал во дворец. Однако обычно он мог приблизиться к змеиной формации только в последний час Инь 15-го числа. Позже он узнал от Сицзэ, что кровь короля могла погрузить питонов в сон. Во время богослужебных церемоний он смог добыть довольно много крови Шанцзюня. С помощью этого метода он, наконец, смог войти в змеиную формацию. Однажды он захотел попробовать вывести ребенка с собой на улицу, но по какой-то причине, как только ее ручонка коснулась силового поля, спящие питоны внезапно проснулись. Если бы не его быстрый рефлекс, он бы точно закончил свою жизнь в брюхе одного из змеев. Тогда он понял, что ему всего лишь десять лет. Несмотря на то, что он был преемником верховного мага, он все еще был беспомощен.

Ему было жаль кузину, и он тайно ухаживал за ней в течение пяти лет. Он приносил ей еду, когда она была голодна, шил теплую одежду из линялой кожи питона, когда ей было холодно, и никогда не оставлял следов своей заботы. Прошло пять лет, но никто ничего не узнал, и это избавило ее от любой напасти, которая могла бы ей угрожать. Ее бросили в змеиную яму сразу же после рождения, и поэтому у нее не было имени. Она не была змеей, она была принцессой клана Бийняо. У нее должно было быть имя. Поскольку ее родители не пожелали дать ей имя, он очень надеялся, что сможет. Он назвал ее Аранья, что означает «спокойная» [2]. Он написал на ее ладони «Аранья» и медленно прочитал ей вслух: «Аранья, это твое имя. В будущем, когда я произнесу это слово – значит, я зову тебя по имени». Умная девочка последовала его примеру и стала писать пальцем на земле, чем очень его позабавила. Он использовал магию, чтобы выгравировать эти три слога на ее руке, чтобы ей легче было писать. Невежественная девочка вцепилась в его рукав и заморгала, пытаясь сказать: «Е... Е... Ран...»

- Да, я Чэнь Е, твой двоюродный брат, - сказал он, смягчая свой голос. - А ты - Аранья, Сянли Аранья.

С давних времен все следующие архимаги в возрасте пятнадцати лет должны были отправиться в уединение для длительного обучения; оно длилось двадцать лет. После завершения этого обучения он станет заместителем верховного мага. В молодости его мало что заботило. Его сердце и разум с нетерпением ждали нового вида обучения. Теперь, раз он заботился о ней, день, когда он мог отложить отъезд, был еще одним днем, проведенным с ней. Но, в конечном счете, это была ответственность, которой он не мог избежать.

Он боялся, что после его ухода за ней никто не будет присматривать, и что она снова совершит ошибку, напившись крысиной крови. В ту ночь, когда он ушел, он посадил для нее плодовое дерево, которое приносило плоды все четыре сезона, и принес небесную воду из священного дворца, чтобы оросить почву. В мгновение ока растение расцвело и принесло плоды. Он сорвал один и дал ей, объяснив, что отныне, если она голодна, она должна есть это; если она хочет пить, она должна пить родниковую воду из источника Цзею, и ни в коем случае не питаться крысами.

В тот год ей было уже пять лет. Она была рождена такой же прекрасной, как снег и нефрит, но из-за ядовитых миазмов в змеиной формации она не полностью сознавала мир вокруг себя и не могла по-настоящему говорить. Тем не менее, она, казалось, знала, что это прощание. Она вцепилась в полы его мантии и никак не могла уснуть. Он долго смотрел на нее, а потом сказал: «Ты такая маленькая. Держу пари, что ты забудешь меня к тому времени, как я вернусь». Девочка решила, что он просит ее о чем-то, и понимающе кивнула. Он пригладил ее челку. Под белым лунным светом цветы, цветущие все четыре сезона, трепетали на ветру. Один из них упал ей на плечи. Он поднял его и воткнул ей за ухо, потом заключил ее в объятия, отстранился, и, глядя ей в лицо, пообещал: «Я вернусь. Когда я стану верховным магом, я смогу вытащить тебя отсюда». Он сделал паузу и вновь притянул ребенка в свои объятия.

- Я твоя единственная семья, Аранья. Ты им не нужна, но у тебя все еще есть я.

Когда он ушел той ночью, девочка внезапно очнулась от своего сна и громко заплакала. Но он не оглядывался, позволяя ее крикам постепенно затихать вдаль.

Двадцать лет показались целой жизнью. Он вернулся во дворец вечером пятнадцатого числа. Шанцзюнь устроил в честь него приветственный банкет. Ему не терпелось увидеть девочку, и он узнал одну новость, относящуюся к ней. Дело было в том, что их особый гость, второй принц Западного моря, прорвался в строй питонов. Шанцзюнь с процессией из придворных поспешил к источнику Цзею. Он тоже немедленно последовал за ними. Когда Чэнь Е снова ступил на эти земли, все было в руинах. Прежде всего, ему бросилось в глаза пушистое облако в небе, где маленькая девочка неслась на руках у мужчины в белом одеянии. Ее юбка из змеиной кожи была скрыта под верхней одеждой мужчины. Когда ветер приподнял белое одеяние, ее длинные черные волосы развевались, открывая необыкновенно нежное юное личико. Он двадцать лет не видел ее, естественно, что ребенок вырос.

Чистая вода источника Цзею забурлила. Змеи в ярости продолжали шипеть, пока в воздухе тихо плыли звуки яшмовой флейты. Маленькая девочка впервые расправила крылья в руках мужчины в белой мантии. Ни у кого в королевской семье не было таких белых и чистых крыльев, как у нее. Снежные перья полетели вниз и приземлились на его вытянутые вперед кончики пальцев. На облаке человек в белом взглянул на руку ребенка и вдруг сказал: «Аранья, какое многозначительное слово. Поскольку у тебя нет имени, что может быть лучше, чем Аранья?» Он видел, как она в недоумении уставилась на мужчину в белой мантии, прерывисто произнося: «А...рань...я?»

- Очень хорошо, Аранья, - с улыбкой сказал человек в белой мантии. - Я Су Мое, Су Мое с Западного моря.

Я - Чэнь Е, твой двоюродный брат. Ты - Аранья, Сянли Аранья.

Второй принц поднял ее в воздух. Он кивнул Шанцзюню, и на его лице появилась улыбка.

- В Западном море, если мы хотим хорошо воспитать ребенка, мы часто позволяем ему

испытать превратности жизни вдали от дома. Я думаю, что Ваше Величество хотели закалить вторую принцессу и поэтому оставили ее в змеином логове. Просто мне очень нравится этот ребенок. Я хочу сделать ее своей ученицей и взять ее к себе, чтобы я мог учить ее. Не будете ли вы так любезны оказать мне эту услугу, Ваше Величество?

Его благородные слова были умны. Выражение лица Шанцзюня было сложным, но, в конце концов, он смягчился.

Он увидел, как второй принц гладит девочку по лбу и шепчет ей: «Отныне тебе больше не придется здесь оставаться. Ты счастлива, что идешь со мной?» Она мягко кивнула головой, и невинная улыбка тронула ее губы. Она улыбалась так, как он учил ее в детстве. Как и следовало ожидать, она забыла о нем, но у нее все еще оставались обрывочные воспоминания. После двадцати лет тренировок он, наконец, обрел достаточно сил, чтобы спасти ее от питонов. Но у него по-прежнему не хватало власти. Даже если он спасет ее, единственное, что они смогут сделать, - это скрыться. По сравнению с защитой, которую он мог ей дать, защита второго принца Западного моря была лучше.

В тот момент, когда змееподобная музыка прекратилась, питон внезапно поднял свои клыки к небу. Тонкие иглы, специально сделанные для борьбы с этими питонами, вылетели из его пальцев. Атаку свирепого питона отразили, и он тяжело рухнул на землю. Чэнь Е бесстрастно засунул руки обратно в рукава и, воспользовавшись шумом придворных, тихо покинул территорию источника Цзею. Она родилась несчастной, подумал он. Теперь судьба, наконец, повернулась к ней лицом. Это было хорошо.

В течение двадцати долгих лет напряженных тренировок, в течение нескольких сезонов скучной аскетической жизни в горах он часто думал о ней. Ему было предназначено стать верховным магом. Его мать относилась к его рождению, как к чести и никогда не считала его своим сыном. С тех пор, как она боготворила его больше, чем любила, он никогда не испытывал такого чувства любви. Однажды он сказал Аранье, что он - ее единственная семья, но и она - его единственная семья. Он вернул ее с порога смерти, дал ей имя и подарил ей всю свою любовь. У него была навязчивая идея, и это была она. Но теперь у нее была лучшая опора, человек, на которого она могла положиться. Пришло время, подумал он, полностью отпустить свою фантазию, пока она не превратилась в одержимость.

Прошло еще десять лет. Он всегда думал о ней, но ни разу ни словом не обмолвился и даже близко не подходил.

Госпожа Цинхуа родила Чанди, пока он был в отъезде. Он полагал, что к тому времени ее ненависть к Сянли Цзюэ значительно ослабла, ибо по сравнению с Араньей Чанди было гораздо легче быть принцессой. Когда он возвращался и приходил во дворец, Цзюйно и Чанди часто следовали за ним и приводили Аранью к нему. Цзюйно всегда была тихой и не склонной спорить о таких вещах. Но даже при этом она забыла ту нежность, которую когда-то питала к Аранье, когда они были совсем маленькими. И когда Чанди говорила с таким апломбом, она не могла чувствовать досады, даже если бы захотела.

Однажды Чанди снова подняла эту тему: «Сегодня я слышала, как один старый дворцовый

слуга сказал, что когда Аранья была еще в змеиной яме, она пила крысиную кровь и ела крысиное мясо, чтобы выжить. Ребята, вы можете себе это представить? Поскольку она выпила так много крысиной крови, большая часть крови, текущей в ее теле, должно быть, тоже превратилась в крысиную кровь, верно? Да уж... Она такая грязная и подлая, что я не могу понять, почему отец позволил ей вернуться в клан, да еще в качестве принцессы. Она этого не заслуживает! Кузен Чэнь Е, я права?»

Он подумал про себя: если в ее жилах течет крысиная кровь, потому что она пила крысиную кровь, то разве не его кровь течет в ее теле? Эта мысль немного отвлекла его.

Чанди настойчиво подталкивала его к ответу: «Кузен, правильно я сказала или нет?» Вспылив, он холодно сказал ей: «Если мы собираемся обсуждать родословную, ты прекрасно знаешь тот тип крови, который считается низшим во дворце Цинань». Краска сошла с лица Чанди. Из устоев священного дворца следовало, что это была порочная родословная. В этом отношении не было никакой разницы между кровью Чанди и Араньи. Но даже в этом случае Аранья была воспитана им и пила его кровь. Даже если она наследует непристойную родословную своей матери, какое это имеет значение?

В последние годы Сицзэ проводил все меньше и меньше церемоний, одновременно строя поместье в бамбуковой роще за горой Цинань. Затем он распространил слухи о том, что подхватил серьезную болезнь и ему необходимо уединиться, чтобы выздороветь. Сначала поверив его словам, Чэнь Е отправился навестить его. Он увидел, как Сицзэ, держась за штанины брюк, ловит в реке рыбу босиком. Его лицо казалось еще более оживленным, чем его собственное.

Сицзэ несколько раз фальшиво кашлянул, а затем сказал с искренним выражением лица: «Я нездоров, но так как я сильный человек, я действительно презираю болезненный вид. Может быть, я и не кажусь тебе больным, но правда в том, что я близок к своей смерти».

Он заверил собиравшегося скоропостижно скончаться Сицзэ: «Многие наши знакомые говорили мне, что приедут навестить вас в ближайшее время. Ваша сила наверняка произведет на них впечатление». Улыбка на лице Сицзэ стала жалкой.

Говорили, что впоследствии еще один маг отправился навестить Сицзэ в его хижине. Все, что он увидел, - это Сицзэ, прикованного к постели и выглядевшего совершенно больным.

С тех пор как Сицзэ заболел, вся работа в святилище, естественно, легла на плечи Чэнь Е. В этом году Тайшан Лаоцзюнь с Девяти Небес провел лекцию по теории дзен в саду лунного света на 32-м уровне неба. Он присутствовал вместо Сицзэ. Сначала говорили, что собрание продлится долго и скучно - целый 81 день. Но из-за того, что на семинар было приглашено так много бессмертных, атмосфера постепенно стала оживленной. Воспользовавшись приподнятым настроением, фруктовая фея устроила вечеринку для бессмертных, продлив мероприятие еще на девять дней.

Он никогда не думал, что к тому времени, когда он вернется в долину Фаньинь, он услышит

свадебную музыку.

Аранья выходила замуж. Ее женихом был Сицзэ.

День был ветреный. В небе парило святилище Цинань. С него на землю скатилась облачная лестница. Под аккомпанемент неясных звуков Сицзэ спустился вниз в костюме жениха и лично вывел свою невесту в красном одеянии из паланкина. Он взял ее за руку, и вместе они шаг за шагом поднялись к величественным воротам дворца. За воротами, где он стоял, росло лишенное корней дерево Бодхи. Он увидел, что на ней был красный плащ того же цвета, что и ее свадебное платье. Вуаль закрывала большую часть ее лица, открывая лишь пару алых губ и маленький белый подбородок. Он нахмурился, достал из рукава черное хвостовое перо и сдул его с ладони. Сильные порывы ветра внезапно подхватили облачную лестницу и приподняли ее вуаль. Она провела рукой по развевающимся прядям волос и подняла лицо, слегка раздраженно сдвинув брови. На короткий миг он смог увидеть ее. Она была прекрасна.

Он погрузился в свои мысли. В ту ночь, давным-давно, словно снегопад, посыпались цветы, цветущие четыре сезона. Под цветущим деревом он обнял ее, еще ребенка, и прошептал ей обещание: «Я - твоя единственная семья. Аранья, ты им не нужна, но я все еще с тобой».

С того момента, как он отвернулся десять лет назад, это обещание больше не имело значения. Она обретет еще больше близких людей: учителя, мужа, а потом и детей. Когда он бросил на нее последний взгляд, ветер постепенно стих. Сицзэ поправил вуаль на ее голове. Ее алые губы сложились в притворную улыбку. Это была не та улыбка, которой он научил ее, но он знал другого человека, который так улыбался. Это был второй принц Западного моря Су Мое.

Время текло безостановочно, как вода в ручье. От него в ней не осталось и следа. Как будто он никогда раньше не появлялся в ее жизни. Сицзэ привел ее в святилище, где за ними тяжело закрылись двери. Черное перо снова всплыло ему в руку. Он потерял ее десять лет назад и не мог сказать, что теряет снова. Только не тот человек рядом с ней сейчас почему-то причинил ему гораздо больше боли, чем в прошлый.

Прошли следующие двадцать лет. Сицзэ отрекся от своего поста, и он сменил его на посту следующего архимага, став самым молодым архимагом в истории долины Фаньинь. Сицзэ притворился смертельно больным и спрятался за горой Цинань. Когда он пришел в бамбуковую рощу, Сицзэ даже поддразнил его: «Ты до смешного красив и до смешного умен, жаль, что ты весь день ходишь с такой серьезной миной. Конечно, твое серьезное лицо гораздо красивее, чем улыбающееся, но ты все равно должен немного улыбнуться сейчас, когда пришел проститься со мной. Заставь меня чувствовать себя более комфортно, а?»

Он оглядел бамбуковую рощу, но не нашел там никаких женских украшений. Наконец, он не выдержал и спросил: «А где твоя жена?» Сицзэ встряхнул влажное одеяло, которое сохло на солнце.

- Зачем такой молодой госпоже, как она, оставаться здесь в уединении со мной? Конечно, она у себя дома, далеко от горы.

Он посмотрел на горный пейзаж и легко сказал: «Вы очень хорошо с ней обращаетесь».

Сицзэ улыбнулся и гордо согласился: «Ей действительно повезло встретить такого хорошего человека, как я».

Говорили, что в дополнение к своей несравненной внешности этот архимаг обладал также безразличным и надменным темпераментом, и ему было трудно находиться рядом с другими. Его поведение вполне соответствовало слухам. С тех пор как он стал заправлять во дворце Цинань, святилище погрузилось в еще большую тишину. Если не намечалось большой церемонии, было трудно заметить даже тень верховного мага.

На второй год его пребывания в должности верховного мага госпожа Цинхуа попросила Шанцзюня назначить его принцем-консортом Цзюйно. В то время ему было трудно отказаться, не пошатнув своего положения. Тем не менее, сославшись на то, что он еще несовершеннолетний и ему нужно больше тренироваться, они провели только церемонию обручения; свадьба была отложена на неопределенный срок. После помолвки он скрылся за закрытыми дверями храма и проводил время, занимаясь каллиграфией и фехтованием, сажая деревья и играя в шахматы. Его единственными спутниками были масляная лампа и свитки пергамента. В тот год, когда Аранья вышла замуж, он посеял семя дерева, которое цвело все четыре сезона, в саду рядом с домом. Он не поливал его небесной водой, и поэтому дерево росло медленно. После долгих двадцати лет, когда произошел инцидент с Цзюйно, наконец, опал первый цветок и дал рождение первому плоду.

Несмотря на то, что Цзюйно сильно обидела его, она была единственной кровью Сянли Иня, и он не мог бросить ее. Он знал так же хорошо, как и все остальные, что спасти Цзюйно было все равно, что идти навстречу собственной смерти. Король должен был воспользоваться этой возможностью, чтобы изгнать его из святилища. Но в жизни есть вещи, которые кажутся безнадежными, но на самом деле находится неожиданный выход.

Сянли Цюэ был королем-тираном. Он следил за святыней с того самого дня, как взшел на трон. Сицзэ видел его насквозь, но ему было слишком тяжело иметь с этим дело. Вот почему его преемник был всего лишь ребенком, когда Сянли Цюэ вступил на престол. Радостный Сицзэ сбросил на него все дела, чтобы самому свободно жить в уединении за горой Цинань. Из-за перемены власти внутри святилища никто не заметил, что амбиции и непримиримость Сянли Цюэ заметно возросли. Хотя в последние годы он был всемогущим архимагом, во всем, что он делал, существовали определенные трудности и ограничения. Как только святилище потеряет своего верховного мага, упрямые амбиции Сянли Цюэ не ослабнут. Хоть Сянли Цюэ и был осторожен в последние годы, у него все еще был способ спровоцировать его.

Независимо от того, как во дворце Цинань боролись друг с другом внутри, они никогда не допустят внешнего осквернения. Чем скорее Сянли Цюэ нанесет удар по святилищу, тем скорее разрозненные силы святилища смогут отбросить свои обиды и сразиться с внешним врагом. Ему было предназначено стать верховным магом. Даже если Сянли Цюэ сможет свергнуть его, как только императорский дворец и священный дворец вступят в войну, он будет единственным, кто сможет защитить дворец Цинань. Даже у этих педантичных старых магов не будет другого выбора, кроме как приветствовать его возвращение. Это было отступление, чтобы двигаться вперед.

Он занимал такое высокое положение, этот молодой, но загадочный верховный маг. Его боготворил целый мир, но жизнь Чэнь Е была едва ли лучше, чем жизнь в пустыне. Возможно, только в высоком дворце Цинань он мог увидеть несколько четырехсезонных семян, и то с помощью восточного ветра, сметающего земную пыль. Но это были всего лишь несколько дремлющих семян.

Но что за судьба позволила ему снова увидеть ее на эшафоте Цзюйно? Она была полностью одета в красное, ее белые крылья развернулись в полете. Паря в воздухе, она посмотрела на него сверху вниз, и ее губы изогнулись в легкой улыбке: «Хотя я не росла с тобой, как Цзюйно, я тоже твоя младшая сестра».

Аранья, это твое имя. В будущем, когда я произнесу это слово – значит, я зову тебя по имени.

«Все говорили мне, что кровь верховного мага обладает способностью очищать самую отвратительную грязь. Получив сегодня милость Вашего Превосходительства, я задаюсь вопросом, будет ли моя кровь теперь немного чище».

Ты еще такая маленькая. Держу пари, что ты забудешь меня к тому времени, как я вернусь.

«Это я спасла его, теперь он мой».

Я вернусь. Когда я стану верховным магом, я смогу вытащить тебя отсюда.

«Оглянитесь вокруг, где мы, как оказались здесь?»

Я - твоя единственная семья. Ты им не нужна, но у тебя все еще есть я.

Как же я могу забыть? Аранья.

Но теперь он понял, что оставил ее слишком надолго. Он не знал, с каких пор она тоже начала учиться захватывать и удерживать пленника.

Она посещала его в самых глубоких тайниках его снов. В этих снах он видел, как спас ее из змеиной ямы, и именно в его объятиях она расправила крылья. Не то чтобы он не думал, что однажды впадет в уныние. Но если и был кто-то, кого он не хотел видеть свидетелем своего унижения, то это была Аранья. И все же в этот самый момент он был заперт в ее поместье. В тесном пространстве. Как будто пленник.

Никто не любит сидеть в клетке.

Затем она написала ему, используя чужое имя в качестве насмешки.

Он был мастером скрывать свои эмоции. Он не был бы так зол, если бы это была не Аранья.

В кабинете мерцали огоньки свечей. Она лениво прислонилась к низкому дивану, когда сказала ему: «Ты когда-нибудь думал, что я, возможно, не такая, как ты, что ты можешь ненавидеть меня, но я не ненавижу тебя? Может быть, ты мне даже нравишься, и все, что я делала, было сделано для того, чтобы ты был счастлив». Если она хотела сделать его счастливым, то почему взяла чужое имя? Почему она не подписала письмо своим именем? Он был в ярости. Впервые в жизни он не нашелся, что сказать. Но она рассмеялась: «Я могу говорить правду, а могу и лгать. Может быть, ты мне действительно нравишься, а может быть, я просто хочу подразнить тебя».

В тот момент, когда она сказала, что он действительно может ей нравиться, она слегка наклонила голову, и на ее лице появилось выражение невинности, которого он давно не видел.

До того как она произнесла слово «нравится», он никогда не думал, что эти дремлющие четырехсезонные семена, спрятанные глубоко в его сердце, могут быть любовью. Но как только она произнесла эти слова, печать на заколдованной шкатулке была, наконец, сломана, и все, что было спрятано внутри, хлынуло наружу.

Почему он так надолго отправился в уединение? Почему он хотел спасти ее?

Почему она была единственной, кто посещал его сокровенные мечты?

Он действовал инстинктивно, когда ворвался в каменный лабиринт, чтобы спасти ее от зверя Цуаньинь. После того, как он обнял ее и вынес из силового поля, она прошептала ему на ухо: «Я действительно тебе нравлюсь, Чэнь Е». Держа ее на руках, он увидел в ее глазах сияние понимания, точно такое же, как тогда, когда он в детстве учил ее читать свое имя при лунном свете. «Е... Ран...» - ее речь была неполной. Эти два неполных слова, возможно, были предвестником.

Он был обречен влюбиться в нее. На самом деле он никогда не переставал тосковать по ней.

---

[1] Е - в пер. яркий/сверкающий

[2] Аранья - санскр. лес